

В заключение нам бы хотелось вышеописанную общую концепцию применить в виде примера к конкретной частной задаче, чтобы показать ее эффективность и валидность.

Многие годы в психологии присутствовала традиция вывешивать 7–10 больших бумажных плакатов у доски при защите диссертации. Она оправдывала себя потому, что наряду с устным текстом выступающего диссертанта слушающий имел возможность личного возврата своего взора к прошлым моментам мысли выступающего. Но затем последовал переход от традиции плакатов к методике компьютерного проектора при защите диссертаций. Этот переход можно оценить с точки зрения его пользы для смыслового понимания присутствующими проделанной диссертантом работы. В психологии известно, что глаз, читая текст по строкам, многократно возвращается взором обратно сообразно ходу мысли слушающего. Этого сегодня лишает методика слайдов: очередной слайд навсегда уводит из поля зрения предыдущие слайды. От этого осмысление диссертации присутствующими ухудшается. Каким бы ни было ознакомление, проникновение в суть работы от прочтения автореферата, самое проникновенное, глубинное осознание диссертации присутствующий совершает в минуты устного выступления диссертанта, оппонента, стрессогенного момента вопросов из зала и ответов. В эти минуты сознанию, зрению очень помогали плакаты, на которые взор слушающего мог возвращаться по многу раз, и мыслительный процесс слушающего шел не «на поводу» устной речи выступающего, а был свободным. Доказательством того, что слайдовый метод сопровождения мысли является не всегда лучшим, служить стали формы научных конференций в виде стендовых докладов. Мы признаем, что метод слайдов в большинстве случаев предпочтительнее метода плакатов. Это случай презентации стендового доклада, лекции студентам, товара покупателям, новой идеи в виде будущего проекта. Но отчет о многоуровневых результатах, их валидности требует многократного возвращения взора, поэтому плакатный метод в этом случае остается более адекватным и научным. Слайды достаточны для получения информации для *интуитивного* мышления слушающего, интуитивного принятия решения, симульганно. Но слайдов недостаточно для логического мышления, осмысления, успешного восприятия смысла с возвратами, встречными выдвиганиями гипотез мышлением слушающего. Именно этим случаем является презентация таблиц, схем, моделей, графиков при защите диссертации. Раздаточный материал не восполняет утрату. Ибо точка взора «вторократного» обращения, возврата к месту «первократного» зрительного восприятия и осмысления рисунка меняется: она была на экране, вторично ее поиск затруднен на бумажном листе в руках слушающего.

Итак, системы виртуальной реальности обеспечат второй виток образного мышления человека. Концепция, если она верна, приводит к выводу о том, что «компьютерной зависимости», «интернет-зависимости» подростков уже нельзя противостоять психотерапией. Эти феномены неправильно рассматривать как девиантное поведение подростка. Ибо, согласно нашей концепции, они есть отражение уже необратимого нового витка эволюции психики человека, филогенеза форм его мышления. Это еще один виток ухода человека от материальной реальности, подобно витку ухода от нее, когда человек стал говорить, мыслить словами.

С появлением систем виртуальной реальности не станет столь много, как сейчас, практики и инструментальных реальных действий человека, движений руки, действий по удовлетворению бытовых, производственных, спортивных нужд и целей. Вместо инструментальных действий системы виртуальной реальности будут культивироваться преимущественно на перцептивных действиях. Следовательно, они расширяют практику применения именно перцептивных действий в жизни человека. Из этого следует, что становятся важными «законы» и алгоритмические правила реализации перцептивных действий, которые нами изучаются.

Л.А. Пергаменщик
БГПУ им. М.Танка (Минск)

А.Т. РОСТУНОВ: ТРИ ВСТРЕЧИ

Я не пишу дневников, и приходится рассчитывать на память, которая живет самостоятельной жизнью, сама решает, что помнить, а что надо забыть. Тем более жизнь становится все интенсивнее, сознание не длится, а все время обрывается, чтобы впустить новую порцию информации. Не случайно кто-то предложил для обозначения современного сознания термин «клиповое».

С профессором Ростуновым у нас не было близких товарищеских отношений – мы были из разных слоев общества: он был из когорты военных, я человек штатский. Разница в возрасте также не способствовала близости. Но в моем профессиональном становлении он сыграл немалую роль, о чем я и

хочу поделиться с уважаемыми читателями. Тем более это влияние для него, мне кажется, не было заметным, и если бы у меня была возможность показать ему эти строчки – он, наверняка бы, несказанно удивился.

Встреча первая. Увлеченность.

А.Т. Ростунов был человеком увлеченным и если что-нибудь узнавал, то стремился поделиться этим знанием со всеми. Вспоминаю конец 80-х годов. Я работал в Белорусском филиале ВНИИ профтехобразования и руководил отделом коммунистического воспитания. Мы с коллегами: И.А. Фурманов, А.А. Аладьин – работали на базе для внедрений, как нам казалось, крайне важных идей в ПТУ. №114. Директором ПТУ был А.Н. Сосновский, который в дальнейшем дослужился до министра культуры Республики Беларусь. И вот в 1998-1999 годах (точно не помню) я пригласил уважаемого профессора Ростунова побеседовать с педагогическим составом ПТУ. Цель я преследовал простую: укрепить влияние психологии в училище. Приходит статный ученый и рассказывает теорию личности К.К. Платонова. Не так давно вышла его одноименная монография, и все ее читали, хотя далеко не все соглашались. Надо отметить, что психология только начинала просыпаться и обнаружила, что в проблемном поле этой науки есть понятие «личность». Дело в том, что еще в 70-е годы личность не изучали в рамках университетского курса. По свидетельству Б.С. Братуся, А.Н. Леонтьев запрещал употреблять термин «личность» на факультете психологии МГУ, правда, одновременно попросил того же Б.С. Братуся собрать психологов для неформального исследования той же личности. Такие были времена.

Но вернусь к нашему герою. Прошло несколько дней, и Психологическое общество Республики Беларусь проводит очередной методологический семинар, на котором доклад делает А.Т. Ростунов, тема доклада, как вы можете догадаться: «Теория личности К.К. Платонова». Прошло еще некоторое время, и я еще раз смог услышать в исполнении А.Т. Ростунова изложение теории личности К.К. Платонова на ученом совете института. Как мне помнится, все эти доклады были прочитаны в течение месяца, может быть двух. Я теперь понимаю, что увлеченность и стремление донести свои впечатления от прочитанного текста для многих – это черта «подвижника в науке», которым и был профессор А.Т. Ростунов.

Встреча вторая. Напутственная.

Так случилось, что я несколько раз обращался к Александру Тимофеевичу с просьбой подготовить рецензию на различные рукописи. Он был рецензентом маленькой брошюры по самосознанию личности, в которой я для себя, прежде всего, хотел понять, что такое самосознание. В ней я с удивлением обнаружил, что самосознание не изучается в университетах тогда еще большой страны. Хотя уже было написано несколько книг по самосознанию (Пантелеев, Столин, Чеснокова), И.С. Кон продолжал знакомить нас с американскими исследованиями по Я-концепции личности.

После очередной рецензии не помню какой рукописи А.Т. Ростунов приглашает меня в свой кабинет (наши кабинеты были напротив друг друга) и заводит разговор о том, что мне нужно приступить к написанию докторской диссертации, т.к. материал уже собран. Для меня и сейчас остается тайной: как психолог, кандидат наук решает, что он может стать доктором. Просто хочется так себя называть или он уже решил, что без него наука остановится в своем развитии. Мне кажется, чтобы решиться на этот отчаянный шаг, надо перестать читать настоящую психологическую литературу, например тексты Фрейда и Франкла, Адлера и Юнга, Выготского и многих других. Тогда ты сможешь принять свой текст, не обремененный оригинальными, новыми мыслями. Но эти соображения у меня появились сейчас. Тогда же я руководствовался, конечно, другими соображениями. Я сказал себе: почему бы и нет, раз такой уважаемый человек что-то увидел в твоих, в общем-то, беспомощных текстах. Стал смотреть на себя как на человека, который может сделать это. Я это сделал, и толчок, который я получил от А.Т. Ростунова, направил меня на путь истинный, напутствовал меня.

Встреча третья. Определяющая.

В последние годы меня заинтересовало постнеклассическое направление развития психологии. История внимания к данной психологии определилась потребностями практики. Разработка кризисной психологии обнаружила ограниченность естественнонаучной парадигмы в психологии, которая была единственной в отечественной психологии. Но так как отечественная психология не имела своей практики, то такой крен вполне ее устраивал. То, что человек не жил в исследованиях советских психологов, никого не беспокоило. Психологи разобрали объект изучения по частям, оборудовали каждый свою психологическую квартиру, и появились специалисты по эмоциям, по воле, по интеллекту, по общению и по отношениям, по памяти и по вниманию и т.д. Психологи ходили друг к другу в гости, но психологические части не соединялись в единое целое, человек не присутствовал ни в психологических квартирах, ни тогда, когда они собирались вместе. Появилось понятия «респондент» или еще лучше – «объект исследования». Самого человека, в общем-то, и не спрашивали, что он думает обо всей этой возне вокруг него. Согласен он или нет, может вообще у него другая точка зрения на него самого. Нет, ученые лучше знают, что надо человеку, а он лучше, чтобы помалкивал и не мешал объективному изучению памяти и

внимания и т.д. Но человек к досаде ученых психологов постоянно попадает в различные неприятные истории и требует от ученых ответа на вопрос: что мне делать? Не что делать с памятью и вниманием, а что делать мне, конкретному Иванову, а не среднестатистической величине, которая является итогом диссертационных исследований. Надо признаться, что эти строчки я написал сейчас, а в те года я вряд ли понимал и рассуждал таким образом.

Вернемся к А.Т. Ростунову. Он был приглашен в Киев для участия в работе докторского совета. Приезжая из командировки, он делился впечатлениями о работе совета, диссертациях, там защищенных, и делился другими научными и околонучными новостями. И вот однажды он привозит книжку в мягком переплете и дарит ее мне. Почему он купил именно ее, почему он презентовал ее мне, я не знаю, а сейчас уже не спросишь. Эта книга сыграла заметную роль в развитии белорусской психологии. На ее простых методологических и методических идеях написана не одна диссертация, и она подготовила приход в РБ качественной методологии. Я не назвал книгу? Пожалуйста: Коржова. «Методика “Психологическая автобиография” в психодиагностике жизненных ситуаций» и издана она в Киеве в 1994 году. Я не помню, когда он мне ее привез: может быть год или два спустя. Но уже в конце 90-х ее идею освоили белорусские психологи, которым было тесно в рамках естественнонаучной парадигмы. Надо сказать, что подход Коржовой далеко не ушел от критикуемой мною парадигмы, но это было уже что-то иное.

Сейчас в качественной методологии работает небольшая, но достаточно активная группа молодых ученых, проводятся семинары, делаются интересные публикации, в том числе и в России. Так, в 2010 году вышел «Журнал практического психолога» № 5, который был составлен из статей белорусских психологов. В Минске, на факультете психологии, 11-12 февраля состоялся белорусско-российский семинар «Горизонты постнеклассической психологии».

А всё начиналось с маленькой книжки, которую профессор А.Т. Ростунов привёз и презентовал автору этих строк. Мог ли он догадываться, что он делал тогда, какими будут последствия этого шага. «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется» – замечательные слова знаменитого поэта как нельзя лучше подходят к завершению моих воспоминаний о прекрасном человеке-психологе Александре Тимофеевиче Ростунове.